

Изъ записокъ Н. В. Исакова ¹⁾.

Кавказскія воспоминанія.

(Періодъ войны съ горцами 1846 и 1848 годовъ).

Весною 1847 г. я былъ назначенъ въ Дагестантскій отрядъ, состоять при командующемъ въ Южномъ Дагестанѣ, генералъ-лейт. кн. Аргутинскомъ-Долгорукомъ. Мой начальникъ Вольфъ объявилъ мнѣ, что у князя Аргутинскаго офицеры Генеральнаго Штаба не уживаются; былъ Вранкенъ—ушелъ, потомъ Рудановскій—ушелъ, погомъ Маркъ—ушелъ. У Аргутинскаго, говорилъ Вольфъ, много своеобразности; стратегіи, и высшихъ военныхъ соображеній онъ не знаетъ въ томъ видѣ и въ тѣхъ формахъ, какъ мы это понимаемъ, но отлично знаетъ свой край и войну на Кавказѣ уже 20 лѣтъ; отъ природы онъ умный и хитрый; штабъ его состоитъ изъ 3 маіоровъ—Кузьмичей, черезъ которыхъ онъ все и знаетъ. „Постарайтесь учиться, научиться же въ Дагестанѣ можете многому, а что касается до отличій, то ихъ можно получить только оставаясь постоянно при отрядѣ, что и считалось всегда само по себѣ какъ бы отличіемъ“—добавилъ Вольфъ. Перспектива была не улыбающаяся, но на Кавказѣ не въ ходу было отказываться, и я на Святой недѣлѣ выѣхалъ въ Дербентъ. Посмотрѣлъ по дорогѣ Шемаху и Нуху, какъ типы персидскихъ городовъ, посмотрѣлъ въ Баку огни и огнепоклонниковъ-индѣйцевъ и въ послѣдній день Святой пріѣхалъ на мѣсто.

Дербентъ представляетъ собой открытый саркофагъ, верстъ 5 длиною, поставленный наклонно. Одинъ конецъ его, въ видѣ

¹⁾ См. „Рус. Ст.“ Февраль 1917 г.

цитадели, былъ на склонѣ горъ, другой упирался въ море, бока состояли изъ двухъ параллельныхъ стѣнъ толщиною въ нѣсколько сажень и въ разстояніи полуверсты между собой. Между ними въ горахъ, подъ цитаделью былъ татарскій городъ, внизу къ морю военныя слободки и штабныя строенія; ближе къ морю старыя укрѣпленія Петра Великаго, дальше—все камни, о которые сильно разбивались волны Каспійскаго моря и не позволяли подходить никакому судну къ Дербенту. Дербентъ когда-то запиралъ собою проходъ морскимъ берегомъ отъ нашествій, теперь запиралъ въ себѣ какую-то безотрадную пустоту и скуку. Окрестности Дербента покрыты садами персиковыми и абрикосовыми, между которыми огромныя пространства заняты кладбищами съ большими могильными плитами, поставленными стоя. Сады были покрыты бѣлыми цвѣтами, какъ снѣгомъ. Кладбища казались огромнымъ срубленнымъ лѣсомъ, на которомъ остались одни пни.

Я въѣхалъ прямо въ помѣщеніе Штаба, никого изъ обитателей не было дома, всѣ пошли въ солдатскую слободку, на качели, взглянуть, какъ на чужой сторонѣ солдатскія семьи справляютъ Святую. Въ ожиданіи будущихъ товарищей не обошлось безъ раздумья. Наконецъ явились господа немпожко на веселѣ. Здоровый дѣтина, толстый, совсѣмъ рябой подполковникъ Василій Кузьмичъ Ассѣевъ былъ первый меня привѣтствовавшій. „Ну, что, ты къ намъ?“ — „Къ вамъ“, отвѣчалъ я нѣсколько удивленный. „Ну, прошу любить и жаловать“. За нимъ майоръ Мищенко, Иванъ Кузьмичъ, въ парикѣ, съ сладкою улыбкою. За нимъ высокая и умная фигура Колоссовскаго. Засыпая, я невольно подумалъ: „Однако же въ порядочную трущобу судьба меня закинула“. На слѣдующее утро я представился кн. Аргутинскому. Кн. Моисей Захаровичъ былъ толстый, неуклюжій, на маленькихъ, совершенно неуклюжихъ ногахъ, съ маленькими, но столь же неуклюжими руками; голова была сѣдая, лицо сильно восточнаго типа, глаза черные, какъ уголь, умные и проницательные.

Исполняя мои новыя обязанности квартирмейстера или начальника штаба отряда, я, предупрежденный въ Тифлисѣ, осторожно изучалъ новую среду. Кн. Аргутинскій въ молодости былъ вызванъ въ Петербургъ въ числѣ именитыхъ грузинъ и помѣщенъ съ кн. Андрониковымъ въ конную гвардію при командирѣ полка Арсеньевѣ. Кн. Орловъ, принявшій отъ Арсеньева полкъ, и баронъ Мейендорфъ впоследствии мнѣ рассказывали, что Аргутинскій былъ неуклюжъ для фронта, совсѣмъ плохой отъ при-

роды кавалеристъ, никуда не показывался, занимался однимъ чтеніемъ спеціально военныхъ сочиненій и всегда лежа на кровати; товарищи его прозвали за это „Монтекукули“. Когда ему надоѣло падать на ученьяхъ съ лошади, онъ вырвался на Кавказъ маіоромъ и отличился при усмирении въ Грузіи, получилъ за это Георгія 4 ст., а въ 41 г. уже генераломъ назначенъ былъ командовать въ южномъ Дагестанѣ и скоро пріобрѣлъ себѣ репутацію умнаго, знающаго и смѣлаго начальника. Я его засталъ генераль-лейтенантомъ съ Георгіемъ на шеѣ, но и съ репутаціей хитраго, не всегда бросающагося очертя голову на выручку сосѣда, начальника. Онъ давно оставилъ привычку кабинетныхъ занятій, ничего не читалъ положительно; ни одной книги, ни бумаги у него не было въ кабинетѣ; однако же, случалось, у него вырывались цитаты изъ французскихъ комиковъ съ невозможнымъ, конечно, произношеніемъ. Все, что дѣлалось въ Европѣ, даже въ Россіи, все, что касалось общей сферы цивилизаціи, для него не представляло ни малѣйшаго интереса и было совершенно ему неизвѣстно. Онъ весь былъ поглощенъ собственнымъ краемъ, гдѣ командовалъ, зная его лучше всѣхъ, говорилъ отлично на общемъ для всѣхъ горцевъ татарскомъ языкѣ и зналъ нѣкоторыя нарѣчія племенъ. При немъ безотлучно находились три очень умныхъ и надежныхъ горца изъ разныхъ, намъ покорныхъ, ауловъ—Хаджи-Бутай, Хаджи-Ата, Неджебадинъ и вѣрный и умный переводчикъ и секретарь Абдурахманъ. Черезъ нихъ Аргутинскій зналъ, что дѣлается въ племенахъ, намъ покорныхъ, а черезъ лазутчиковъ зналъ, что дѣлается у непріятеля въ горахъ. Если онъ разговаривалъ охотно, то съ ними и съ безпрестанно выходящими секретно изъ горъ людьми, съ виду совершенными разбойниками, съ которыми онъ толковалъ по цѣлымъ часамъ. Жизнь его была чрезвычайно однообразна, обстановка самая незатѣйливая, даже плохая. Два человѣка, ему служившіе, были: одинъ—русскій лакей, пьяница и дрянъ, другой гуріецъ Гладупа, храбрый и всегда готовый. Всегда можно было застать кн. Аргутинскаго въ какой-то ваточной, ситцевой фуфайкѣ, которой онъ не снималъ ни лѣтомъ, ни зимою, въ папахѣ изъ мерлушекъ, съ трубкою, лежа на постели, рѣдко сидя; ходилъ онъ вообще мало и ходилъ какъ будто бы неумѣлыми шагами. Когда кто-нибудь изъ штабныхъ приходилъ къ нему за дѣломъ, онъ по окончаніи дѣла всегда удерживалъ: „Посидите еще, поговоримте“, и затѣмъ упорно молчалъ: сюжетовъ для разговора внѣ дѣлъ края у него не было совсѣмъ. О край въ политическомъ отношеніи, что меня бы, напр., очень

интересовало, онъ никогда не поддерживалъ разговора; никакого соображенія на счетъ будущности края или какихъ-нибудь общихъ радикальныхъ мѣръ у него, какъ и другихъ кавказскихъ начальниковъ, не существовало. Онъ былъ холостъ, армянинъ по происхожденію, но совершенный безсребренникъ, едва могшій различить однѣ деньги отъ другихъ и никогда не державшій при себѣ денегъ. Умень, хитерь, весьма добродушенъ, фамильярный со своими близкими сослуживцами, но вспыльчивый, легко переходящій въ гнѣвное настроеніе, въ которомъ онъ и уважаемому имъ человѣку могъ легко наговорить много непріятнаго, за то, правда, сейчасъ же старался изгладить это впечатлѣніе. Офицеры генеральнаго штаба ему были всегда подозрительны: ему казалось, что они были присланы для того, чтобы учить его, какъ распорядиться отрядомъ, что онъ ревниво отстаивалъ и выживалъ ихъ изъ отряда одного за другимъ. Одинъ Кожевниковъ оставилъ въ немъ пріятное воспоминаніе, другіе, кажется, сами были причиною неуживчивости. Много происходило, конечно, отъ общей замашки генеральнаго штаба руководить своихъ начальниковъ, когда послѣдніе не посвящены въ тайнства высшей военной теоріи. Аргутинскій былъ совершенно посвященъ въ тайнства той науки, какая нужна была въ Дагестанѣ, и, слѣдовательно, съ совѣтами приходитъ къ нему было бесполезно.

Штабъ его состоялъ изъ маіоровъ Ассѣева, Василія Кузьмича Мищенко и Кодоссовскаго. *Подполковникъ Ассѣевъ*, воспитанный въ Ставропольской кантонистской школѣ, грубый по наружности, безъ малѣйшаго образованія, но умный и доброжелательный, онъ былъ самымъ близкимъ человѣкомъ Аргутинскаго и употреблялся имъ тамъ, гдѣ нужна была большая довѣренность. Преданный ему, неразлучно при немъ лѣтъ 15 проведеншій въ боевой жизни, онъ зналъ Аргутинскаго вполнѣ и одинъ позволялъ себѣ говорить ему въ лицо непріятныя истины и въ формѣ не всегда мягкой. Ассѣевъ любилъ иногда выпить, никогда ничего не читалъ, но писалъ и красиво и очень складно, при чемъ однако знаки препинанія отсутствовали. Лѣнивый, онъ иногда по цѣлымъ часамъ оставался въ постели, поджавши ноги, съ трубкою, выводя пальцемъ въ воздухѣ какіе-то замысловатые вензеля; это у него былъ особый тикъ. Но при всемъ этомъ зналъ край, зналъ нужды войскъ и былъ самъ хорошимъ боевымъ офицеромъ. Маіоръ *Василій Кузьмичъ Мищенко* имѣлъ тѣ же качества, что и Ассѣевъ, но все въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Хорошій боевой офицеръ, старый кавказецъ, очень дружный съ Ассѣевымъ, онъ въ наружныхъ формахъ имѣлъ видъ пожилого

армейскаго франта, любилъ дамское общество и танцевалъ мазурку съ распущеннымъ платочкомъ. Хотя онъ былъ на второмъ планѣ у Аргутинскаго; но все, что нужно было частнымъ начальникамъ выпросить, устроить — они проводили все черезъ этихъ двухъ Кузьмичей. Но нельзя сказать, чтобы Аргутинскій вообще охотно терпѣлъ злоупотребленія и давалъ поблажку командирамъ огдѣльныхъ частей. Третій изъ штабныхъ былъ *Иванъ Григорьевичъ Колоссовскій*, высокій, съ большими усами капитанъ, съ огромными янтарными четками постоянно въ рукахъ. На немъ лежала вся письменная часть Штаба инспекторская и хозяйственная. Колоссовскій былъ болѣе образованъ, нежели Кузьмичи, дѣльный и распорядительный и хорошій военный офицеръ. Онъ впоследствии доказалъ это, будучи главнымъ интендантомъ Кавказской арміи, но, къ сожалѣнію, какъ говорили, сдѣлалъ себѣ въ этой должности значительное состояніе различными операціями. Кромѣ этихъ трехъ основъ Штаба Самурскаго отряда былъ еще казначей Егоровъ, скромный офицеръ, большой честности; инженерный офицеръ Гершельманъ, образованный, хорошій малый, и докторъ Сергѣевъ, прикомандировавшійся изъ Графскаго Ширванскаго полка. Всѣ они потомъ разбрелись по міру: Ассѣевъ — генераль-маіоромъ умеръ, не знаю гдѣ; Мищенко перебивалъ комендантомъ въ разныхъ крѣпостяхъ и умеръ въ 1878 г.; Колоссовскій долженъ былъ оставить интендантство со вступленіемъ Вел. Кн. Михаила Николаевича въ званіе намѣстника; Егоровъ командовалъ батальономъ на штурмѣ Гуниба, совсѣмъ ослѣпъ и жилъ въ отставкѣ генераломъ, ничего не получая, довольно безпомощно, къ стыду Кавказскаго начальства, раздававшаго десятки тысячъ десятинъ земли зря. Сергѣевъ былъ окружнымъ докторомъ, кажется, въ Туркестанѣ. Гершельмана я видѣлъ лѣтъ черезъ 30 еще полковникомъ въ Тифлисѣ, собирающимъ деньги на постройку протестантской церкви. Всѣ они имѣли разную карьеру, но тогда жили вмѣстѣ и старались жить дружно и мирно съ главными авторитетами — Кузьмичами. Я прожилъ съ этими людьми почти два года и прожилъ дружелюбно, по-товарищески: никогда никакого препирательства между нами не было. Они были гораздо лучше той репутаціи, которую имъ сдѣлали въ Тифлисѣ. Къ кн. Мойсею Захаровичу я сохранилъ признательную память: онъ былъ расположенъ ко мнѣ, никогда не позволялъ себѣ ни одного слова дерзкаго или грубаго, на что онъ былъ очень склоненъ, когда не уважалъ человека. Я часто видѣлъ въ немъ расположеніе почти отеческое.

Жизнь въ Дербентѣ однообразная и скучная велась изо дня въ день, ожидая подножнаго корма въ горахъ, безъ котораго нельзя было выступить въ экспедицію. Уровень интересовъ былъ небольшой, разговоры вращались въ замкнутомъ кругу о войскахъ и штабъ-квартирахъ. Свѣдѣній о томъ, что дѣлаютъ, какъ живутъ въ горахъ различныя племена, кто и имѣлъ ихъ по давней опытности въ Дагестанѣ, не распространялъ. Прошедшія экспедиціи воспоминались участниками и давали новому челсвѣку кое-какія понятія о нихъ. Иногда появлялись владѣтельные лица покорныхъ намъ племенъ. Одинъ изъ нихъ былъ братъ Кумухскаго хана, Агаларъ-бекъ, молодой человекъ, полковникъ нашей службы и даже впоследствии флигель-адъютантъ, лхой, храбрый начальникъ Кумухской милиціи въ нашихъ отрядахъ, совершенный татаринъ, никогда не выѣзжавшій изъ Дагестана и допивавшійся до чертиковъ при удобномъ случаѣ. Самъ ханъ Казикумухскій значилъ очень мало. Другой, Джамаль-бекъ Кайтагскій, являлся рѣже, былъ дикъ и большой пьяница, но держалъ свой народъ строго, всегда ѣздилъ съ 12 оруженосцами, за сѣдлами въ мѣшкахъ у которыхъ было по бутылкѣ портеру и по бутылкѣ рома. Джамаль-бекъ это пилъ пополамъ и приглашалъ къ тому же своихъ русскихъ гостей. Третій, Табасаранскій бекъ-Ибрагимъ былъ образованный горецъ, т.-е. говорилъ по-русски очень хорошо и охотникъ страстный быть играть въ вистъ и преферансъ. Молодымъ человекомъ онъ попался въ какомъ-то заговорѣ. Ермоловъ его спасъ, посадивъ на гауптвахту, гдѣ онъ въ теченіе 2—3 лѣтъ и получилъ всю свою европейскую цивилизацію. Онъ былъ пріятный человекъ, но значенія въ горахъ не имѣлъ, а балагуръ былъ большой. Когда эти беки съѣдутся бывало въ Дербентѣ, Джамаль-бекъ и Агаларъ вечеромъ непременно напьются и стрѣляютъ пулями въ потолокъ своей квартиры изъ пистолета. Аргутинскій всегда посылаетъ къ намъ кого-нибудь, какъ будто поговорить о дѣлѣ, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы немножко унять разгулявшіхся звѣрей и предупредить несчастье. Въ то же время Табарасанскій бекъ рассказываетъ смѣшные анекдоты за картами. Между прочимъ анекдотъ въ такомъ родѣ про свою страсть къ русскимъ пословицамъ: въ Дербентѣ былъ комендантомъ генералъ Таракановъ. Играетъ съ нимъ Ибрагимъ-бекъ въ вистъ и къ чему-то говоритъ: „Ваше Превосходительство, лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой тараканъ“, не договорилъ, спохватился и сталъ извиняться передъ комендантомъ.

Въ Дербентѣ въ мое время былъ комендантомъ полковникъ Дистерло, вдовецъ, у него была племянница, дѣвушка лѣтъ 20;

къ нимъ иногда собирались по воскресеньямъ вечеромъ. Были еще 2—3 родственницы служащихъ. Комендантъ жилъ въ цитадели: по узкимъ извилистымъ улицамъ, высѣченнымъ въ скалѣ, взбирались мы вмѣстѣ гурьбою, заходя за дамами по дорогѣ. Иногда сажали ихъ верхомъ, иногда несли ихъ мѣшки, въ которыхъ были башмаки для танцевъ. Въ передней 3 музыканта изъ прежнихъ кантонистовъ-жидковъ справляли намъ весь танцевальный вечеръ. Затѣмъ простой ужинъ, во время котораго съ нагрѣтаго потолка падалъ на столъ неожиданный гость скорпионъ и, тѣмъ же порядкомъ, къ разсвѣту, домой. Другихъ общественныхъ ресурсовъ никакихъ. Обѣдали всегда всѣ у кн. Аргутинскаго болѣе, нежели просто. Ужинали между собою тоже просто; послѣ ужина обыкновенное развлеченіе: въ мѣдный тазъ немного песку и два врага на битву: скорпиона и фалангу. Бой между этими двумя ядовитыми отвратительными животными продолжается иногда полчаса и кончался смертью обояхъ. Прогулка за Дербентъ иногда верхомъ, но чаще всего пѣшкомъ къ морю — пустынный берегъ, усѣянный рифами, на одного паруса, — ни одной рыбацкой лодки. Долго стоишь на выдающихся въ море каменьяхъ и смотришь, какъ волны окружаютъ тебя при приливѣ, затѣмъ опять домой, въ тѣ же выбѣленные флигеля штаба. Книгъ никакихъ, едва одна газета ходитъ по рукамъ.

Между тѣмъ въ Штабъ-квартирахъ полковъ, въ особенности давно устроившихся, жили совершенно иначе. Во-первыхъ мѣста для нихъ были избраны обильныя лѣсомъ и водой, затѣмъ устройство ихъ въ характерѣ колоній всегда позволяло офицерамъ имѣть отдѣльный домикъ съ садомъ и хозяйствомъ. Полковой командиръ старался свои доходы съ полка загладить отчасти доставленіемъ удовольствій: устраивалъ публичный садъ, библіотеку; полковая музыка позволяла семействамъ собираться иногда танцевать; однимъ словомъ, жили въ обществѣ, хотя небольшомъ и незатѣлимомъ. Самъ полковой командиръ жилъ всегда на ногѣ прежнихъ помѣщиковъ: и большой домъ, и садъ, и баня, и лошади, и хорошій поваръ, и иногда музыка за обѣдомъ. Такъ жилъ на Куссарахъ Ширванскій полкъ и его командиръ, полковникъ Плаць-Бекъ-Кокумъ съ огромными бѣлокурами усами, огромнаго роста, фронтовыхъ и хозяйственныхъ дѣлъ мастеръ, къ которому Аргутинскій былъ очень расположенъ.

Въ маѣ въ Дербентѣ стала распространяться холера, а между тѣмъ въ горахъ показался подножный кормъ. Войска стали выступать въ походъ. Штабъ ихъ догналъ черезъ нѣсколько дней, и отрядъ въ полномъ составѣ выдвинулся на Турчедагъ, возвы-

шенную плоскость, футовъ 5—6 тысячъ надъ уровнемъ моря. Воздухъ прекрасный, трава и вода тоже, холерные случаи прекратились сейчасъ же. Турчедагъ была дача, Красное Село Дагестантскихъ войскъ. Кн. Воронцовъ, въ это время находившійся при Сѣверно-Дагестантскомъ отрядѣ кн. Бебутова, который осаждалъ Гергебиль, вызвалъ кн. Аргутинскаго къ себѣ на свиданіе. Прямымъ путемъ черезъ горы, съ конвоемъ изъ горской милиціи, мы, съ Турчедага, сдѣлавъ 70 верстъ въ одинъ день, пріѣхали въ Гергебиль. Въ первый разъ въ этой экспедиціи привезли на буйволахъ тяжелыя орудія и сколько могли снарядовъ; сдѣлали двѣ серьезныя бомбардировки, но результатъ былъ слабый; горцы продолжали защищаться въ аулѣ. Гергебиль представлялъ собою возвышенную, отдѣльную отъ горнаго хребта скалу, въ видѣ сахарной головы, обнесенную на половинѣ своей высоты крѣпкою стѣною и очищенную внизу отъ строеній и всего, что можетъ скрывать атакующаго отъ выстрѣловъ гарнизона. Затѣмъ, кругомъ аула, огромные сады съ вѣковыми ореховыми деревьями до самой рѣки Койсу, огибавшей осажденное мѣсто. Войска кн. Бебутова были уже значительно утомлены, холера, довольно сильная, ослабила ихъ ряды. Предвидя необходимость штурма, кн. Воронцовъ видѣлъ необходимость усилить войска Южно-Дагестантскимъ отрядомъ.

Переночевавъ въ палаткѣ кн. Дундукова и Васильчикова, мы пустились въ обратный путь и черезъ нѣсколько дней явились съ отрядомъ. Опередивъ его, кн. Аргутинскій пріѣхалъ въ лагерь кн. Воронцова въ ту минуту, когда онъ со штабомъ садился за столъ, накрытый на воздухѣ, на кое-какъ устроенномъ валикѣ. Кн. Воронцовъ, послѣ второго кушанья, спросилъ меня, сытъ ли я и могу ли ѣхать навстрѣчу отряду, чтобы поставить его на назначенную позицію.

Въ это время уже стемнѣло и разразилась надъ лагеремъ гроза. Я велъ отрядъ по совершенно незнакомой мѣстности, слѣдуя за офицеромъ, указывавшимъ мнѣ путь. Молнія безпрестанно освѣщала огромный оврагъ слѣва, навстрѣчу шли войска, смѣнявшіяся съ передовыхъ позицій. Я попробовалъ было спросить, какой это батальонъ идетъ, мнѣ отвѣчали изъ толпы: „первый батальонъ въ мѣрѣ“. Это былъ батальонъ Кабардинскаго полка. Тьма была непроглядная. Наконецъ офицеръ сказалъ: „Вашему батальону слѣдуетъ здѣсь располосжиться. Я вамъ укажу опасныя мѣста на ночь. Гарнизонъ дѣлаетъ каждую ночь вылазки“. Хороша перспектива, когда ни зги не видно. Изъ передовыхъ баталіоновъ прежде всего заняли эти мѣста, а затѣмъ стали ла-

геремъ кое-какъ. На эту ночь войска не разбивали палатокъ, обсушиться было нельзя; всѣ были насторожѣ. На разсвѣтѣ мы увидѣли себя подъ носомъ у аула, въ его садахъ. Непріятель не ожидалъ такого близкаго сосѣда и сталъ бросать ядра къ намъ въ лагерь.

Мы однако же скоро устроились, заняли всѣ мѣста, куда могли проникнуть горцы ночью, перевели нашу кавалерію изъ милиціи подъ начальствомъ лѣхого Агаларъ-бека Кумыхскаго на ту сторону Койсу, гдѣ до цѣпи горъ была широкая долина, и вошли тотчасъ же въ роль передового отряда, защищающаго всѣ осадныя работы. Каждую ночь горцы бросались на наши посты, каждую ночь былъ страшный гикъ и стрѣльба, но результаты были неопасны.

Днемъ кавалерія наша дѣлала рекогносцировки, сцѣплялась съ горцами, сцѣпившись, преслѣдовала ихъ въ горы, но результаты были еще менѣе опасны. На Койсу былъ построенъ мостъ. Рѣка текла въ крутыхъ берегахъ съ необычайной быстротой, но инженеры наши умудрились таки это сдѣлать.

За Гергебильскими садами, на Кумыхскихъ высотахъ, стояли главныя силы непріятели. Они пробовали согнать нашу кавалерію съ той стороны рѣки, но Агаларъ-бекъ отстоялъ. Батареи противъ аула продолжали дѣйствовать очень умѣренно, снарядовъ уже оставалось мало и ожидали ихъ подвоза. Ложементы для стрѣлковаго батальона, тогда единственнаго, вооруженнаго штуцерами, позволяли близко видѣть, что дѣлается въ аулѣ, гдѣ тоже всѣ были припрятаны подъ землею и только показывался дымокъ отъ выстрѣловъ. Это былъ какой-то улей земляной: видны были черныя въ немъ дыры, больше ничего. Артиллеристамъ удалось уловить мѣсто, гдѣ стояло одно орудіе, и сбить его, другія два дѣйствовали. Все, что наши артиллеристы разрушали днемъ, все горцы исправляли темною ночью. Цѣли для нашихъ артиллеристовъ было мало: гранаты углублялись въ аулъ, какъ въ землю, потому что всѣ сакли горцевъ были въ землѣ и они заблаговременно приготовились ко встрѣчѣ насъ, такъ какъ многое нами замышляемое горцы узнавали заранѣе.

Осада продолжалась, кн. Воронцовъ сдѣлалъ разъ рекогносцировку въ сады, едва проходимые. Конечно, хотѣлось захватить и гарнизонъ, когда будетъ бѣжать изъ аула, и втянуть съ Кудаха непріятели въ сады, побить его тамъ и взять бывшія у него орудія, но горцы не такъ глупы. Я ежедневно отправлялся въ штабъ главнокомандующаго, верстахъ въ 13; видалъ кн. Воронцова всегда ровнаго и спокойнаго, кн. Василія Осиповича Бебу-

това, всегда привѣтливаго, и Коцебу, натурально, овладѣвшаго уже всѣми главными распоряженіями.

Разъ Аргутинскій, возвратясь изъ штаба кн. Воронцова, былъ пасмуренъ и крайне недоволенъ. „Честью васъ увѣряю, такъ комедію играть нельзя“. Только я отъ него и узналъ, но приступъ былъ рѣшенъ на другой день. Полагаю, что Аргутинскій, который не любилъ терять людей, всегда осторожно и осмѣрительно подготавливая себѣ успѣхъ атаки, вѣроятно не соглашался съ мнѣніемъ Коцебу и кн. Воронцова о своевременности штурма, не видя возможности еще одолѣть аулъ, еще недоступный, предвѣщавшаго на его опытный глазъ неудачу ¹⁾. Но въ отрядѣ у Бебутова давно уже дѣлали лѣстницы, туры и фашины. Охотники были назначены. Ими вызвался командовать маіоръ Кутузовъ, когда-то служившій въ Волынскомъ полку и, по общему говору въ Штабѣ, ничего не обѣщавшій.

Наканунѣ вечеромъ я поѣхалъ за послѣдними приказаніями. По дорогѣ въ Штабъ кн. Воронцова я встрѣтилъ, верстахъ въ 2—3 отъ нашего лагеря, кавалерію; временный начальникъ этой экспедиціи, кн. Эяико Орбеліани, сказалъ мнѣ, что онъ долженъ расположиться въ садахъ ночью, дабы во время штурма прервать сообщенія гарнизона съ внѣшнимъ непріателемъ, стоявшимъ за садомъ и рѣкою, а также захватить гарнизонъ, въ случаѣ, если онъ побѣжитъ изъ аула. Сады были—тьма кромѣшная, и Орбеліани шелъ, конечно, на удачу. Онъ хотѣлъ заѣхать къ Аргутинскому, но я сказалъ, что онъ легъ спать: Аргутинскій терпѣть не могъ легко и наудачу предпринимаемыхъ вещей и наговорилъ бы ему непріятностей. Въ отрядѣ кн. Бебутова всѣ уже спали: штурмъ былъ назначенъ рано, многіе проводили послѣднюю ночь. Въ палаткѣ у Коцебу я нашелъ начальника штаба кн. Бебутова, полковника Капгера. Коцебу, лежа со своей длинной трубкой, отдавалъ послѣднія приказанія. „Вашему отряду“, обращаясь ко мнѣ, „предстоитъ съ разсвѣтомъ проникнуть въ сады и стать между ауломъ и массама непріателя, собравшагося на Койсу, не допускать послѣдняго на помощь

¹⁾ И на этотъ разъ, подобно Даргинской экспедиціи 1845 года, вина въ неудачномъ, сопровождаемомъ громадными потерями, штурмѣ, всецѣло падаетъ на графа Воронцова, не послушавшаго опытнаго князя Аргутинскаго, не говоря о томъ, что вся операція противъ Гергебиля была непроизводительна, а уже если разъ мы сосредоточили свои силы противъ Гергебиля, то было бы правильнѣе удовольствоваться тѣмъ, что отвлекли силы Шамиля отъ Чечни, гдѣ велись важнѣйшія операціи проложенія передовой Чеченской линіи.

гарнизону и перехватить бѣгущій гарнизонъ, когда онъ броситъ аулъ, а отрядъ кн. Бебутова назначенъ для штурма“.

Возвратясь въ лагерь, я передалъ Аргутинскому, что намъ предстояло на завтрашній день; изъ отрывочныхъ его ворчаній, изъ того, какъ онъ хватался за голову, я догадывался, что по его мнѣнію главнокомандующій и Коцебу берутся за дѣло слишкомъ легко, и что кн. Бебутовъ, къ военнымъ способностямъ котораго онъ относился нѣсколько критически, слишкомъ мягокъ характеромъ, чтобы отстоять свое мнѣніе, которое вѣроятно у него въ душѣ, вслѣдствіе опытности военной, было такое же, какъ и его Аргутинскаго ¹⁾).

4 іюля, съ разсвѣтомъ, Аргутинскій пошелъ со мною въ ложементы штуцерниковъ; оттуда ясно можно было разсмотрѣть, что дѣлается въ аулѣ. Наканунѣ нашею артиллеріей была сдѣлана брешь въ стѣнѣ, и, несмотря на нашу стрѣльбу по бреши гранатами, горцы работали цѣлую ночь и къ разсвѣту брешь была заложена огромными деревьями и засыпана землею. Въ кривыхъ и узкихъ улицахъ аула были замѣтны завалы и около бреши что-то чернѣлось вновь построенное. Аргутинскій послалъ меня къ кн. Воронцову рассказать, что мы видѣли: онъ питалъ еще надежду, что штурмъ отмѣнятъ. Прискакавъ въ штабъ, я нашелъ кн. Воронцова передъ своей палаткой, съ чашкой въ рукахъ, усердно мѣшающаго сушенныя сливки, которыя долго не расходились въ чаю, совершенно спокойнаго. Я передалъ ему все подробно, онъ отвѣчалъ мнѣ, что посылалъ также и отъ себя гр. Гейдена, который привезъ ему тѣ же извѣстія, но что нужно надѣяться, что наши солдаты, съ Божьей помощью, разбросаютъ всю эту защиту штыками.

Не помню, что мнѣ отвѣчалъ на мой рассказъ Коцебу, но на счетъ штурма я не видѣлъ колебанія, да, кажется, и нельзя было поступить иначе: запасы артиллерійскіе, на которые возложена была главная надежда, такъ какъ осадныя работы и бомбардировка были испытаны въ горной войнѣ въ первый разъ, запасы эти были уже истощены и аулъ держался, посылать за новыми запасами, даже если они и были бы приготовлены, взяло бы много времени, а отрядъ уже таялъ отъ холеры, болѣзней и трудовъ; оставить аулъ такъ и отойти значило бы дать горцамъ

¹⁾ Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, прославившійся побѣдами у Башкадыклара и Кюрюкъ-дара въ 1854-мъ году, былъ также большой охотникъ на Кавказѣ человекъ, человекъ большого природнаго ума и опыта, но уступалъ во многомъ Аргутинскому, особенно въ характерѣ и знаніи природы кавказской войны.

право признать нашу слабость, впечатлѣніе на наши войска было бы дурное. Послѣ Даргинской экспедиціи это бы въ Петербургѣ сочлось не въ пользу кн. Воронцова. Это-то все и осуждалъ кн. Аргутинскій ¹⁾).

По возвращеніи моемъ къ кн. Аргутинскому, нашъ отрядъ выступилъ въ сады и сталъ скрыто въ нихъ. Въ 8 часовъ открылась бомбардировка, затѣмъ сильный ружейный огонь былъ признакомъ, что штурмъ начался. Съ нашей позиціи ничего не было видно; нервы отъ того были жестоко натянуты: что-то тамъ происходило. Черезъ часъ пріѣхалъ къ намъ Генеральнаго Штаба подполковникъ Александръ Веревкинъ, состоявшій при кн. Воронцовѣ. Втихомолку передалъ онъ кн. Аргутинскому, что требуется 2 батальона для подкрѣпленія, что первая атака не удалась, и нужно было прикрыть отступающихъ отъ аула. Кн. Аргутинскій поѣхалъ самъ съ 2 батальонами, оставляя меня съ полковникомъ Евдокимовымъ при отрядѣ. Веревкинъ шепнулъ мнѣ, что братъ Евдокимова, командиръ батальона, поддерживавшаго охотниковъ, убитъ и что нужно приготовить его. Евдокимовъ былъ въ тяжеломъ положеніи: онъ зналъ, что братъ шель въ серьезное дѣло, и хорошаго не ожидалъ, въ особенности когда потребовали 2 батальона отъ насъ.

Вотъ какъ рассказывали послѣ очевидцы приступа: охотники съ маіоромъ Кутузовымъ, у котораго не доставало опытности, бросившись на брешь и встрѣтивъ сильный огонь изъ-за нея, свернули съ прямого направленія и попали впопыхахъ въ неразрушенныя части стѣны; лѣстницы оказались малы и они ничего не сдѣлали. За охотниками шель Самурскій батальонъ Евдокимова, за нимъ Графскій батальонъ Бибанова; они врѣзались прямо въ брешь, конечно, Евдокимовъ и Бибановъ впереди. Кто успѣлъ влѣзть, тотъ попалъ на крышу строенія, нарочно подставленнаго, и съ нимъ обрушился внизъ. Тутъ началась рѣзня кинжалами и бой штыками. Въ узкомъ пространствѣ горцы за стѣною поражали въ упоръ со стѣнъ, изъ дверей, изъ-подъ

¹⁾ Здѣсь Исаковъ высказывается недостаточно опредѣленно, вѣдь говоритъ же онъ, что Аргутинскій осуждалъ прежде всего самую операцію, а разъ она состоялась, то *осуждалъ штурмъ*, равно какъ и приведенные Исаковымъ мотивы. Если бы было въ его рукахъ, то онъ просто отошелъ бы безъ штурма, взявъ на себя отвѣтственность за отступленіе, какъ сдѣлалъ онъ въ 1849 г. подъ Чохомъ, не побоясь нареканій и сберегши жизнь многихъ сотенъ героев. Кн. Аргутинскій осуждалъ именно мотивы, побудившіе къ штурму, ибо штурмовать—играть въ руку горцамъ. Князь Аргутинскій часто прибѣгалъ къ штурму, но тамъ были другіе мотивы и онъ обезпечивалъ успѣхъ штурма.

земли, бросали сверху камни. Немногіе оттуда спаслись. Лихой, молодой командиръ Евдокимовъ былъ убитъ, извѣстный своей храбростью и боевой опытностью Бибановъ раненъ пулею и кинжаломъ, офицеры побиты. Смущенная войска, видя передъ собой неудачу, залегли подъ самую стѣною, ожидая, что штурмъ возобновится; сигнала къ отступленію еще не давали. Горцы сверху стѣны ихъ разстрѣливали, наши солдаты по тогдашнему обычаю стрѣляли вверхъ на стѣну зря, не нанося натурально никакого вреда неприятелю. Съ нашихъ батарей вновь открытъ огонь, чтобы заставить горцевъ спуститься со стѣны. Кн. Воронцовъ, наблюдая сверху за ходомъ дѣла съ батареи, послалъ приказаніе дать войскамъ вздохнуть и вновь начать штурмъ. Кн. Бебутовъ поѣхалъ самъ отвести войска отъ аула. Мѣстность передъ ауломъ была совершенно открытая, нарочно гарнизономъ подготовленная. Какъ только залегшіе подъ стѣною наши уцѣлѣвшіе двинулись назадъ, огонь горцевъ изъ аула возобновился съ чрезвычайною силой и орудіе изъ аула попадало мѣтко въ толпу отступающихъ. 3 батальона нашего отряда подоспѣли во-время и кстати: развлекли вниманіе гарнизона и дали, хотя и съ немалою потерей, но выйти изъ-подъ выстрѣловъ войскамъ кн. Бебутова. Послѣ всего этого кн. Воронцовъ согласился, что возобновлять штурмъ нельзя. Затѣмъ безъ снарядовъ оставаться долѣе подъ Гергебилемъ было незачѣмъ и неизбѣжно было принять рѣшеніе оставить его, что было, я думаю, тяжело для кн. Воронцова ¹⁾.

Черезъ три дня, въ теченіе которыхъ происходило медленное обстрѣливаніе аула, на разсвѣтѣ, нашъ отрядъ сталъ отступать отъ садовъ. Непріятель замѣтилъ это, когда уже обозъ былъ отправленъ и войска вышли изъ садовъ. Онъ бросился насъ преслѣдовать, мы пріостановились, дали два раза отпоръ, смѣнили цѣпь и резервы въ видѣ переката. Кн. Воронцовъ остался на мѣстѣ своего лагеря наблюдать за отступленіемъ нашего отряда, ожидая серьезнаго натиска на него, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ. Но непріятель, стоявшій за садами на Кумыхскихъ высотахъ, не успѣлъ: наше отступленіе было для него неожиданно.

¹⁾ Кровавый штурмъ Гергебиля оставилъ по себѣ тѣмъ болѣе тяжелую память, что опытные кавказцы были противъ штурма. Было бы правильнѣе отойти безъ штурма, удовольствовавшись отвлеченіемъ Шамиля съ его скопищами отъ Чечни и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что горцы тоже потерпѣлись порядочно всякихъ лишеній. „Интендантъ, я знаю, у нихъ плохой“, говаривалъ въ этихъ случаяхъ Вельяминовъ, выдерживая ихъ въ ожиданіи штурма и не предпринимая такового, если успѣхъ не былъ обезпеченъ.

данностью. Мы сдѣлали его въ большомъ порядкѣ съ ничтожною потерей. Кн. Воронцовъ хвалилъ и благодарилъ насъ, когда мы подъѣзжали къ его мѣсту наблюденія, и говорилъ, что все сдѣлано, какъ на ученія. Затѣмъ версть черезъ 5 непріятель оставилъ насъ.

Черезъ нѣсколько дней отрядъ былъ уже на Турчедагѣ, ему нужно было отдохнуть, холера тотчасъ же прекратилась. Отрядъ кн. Бебутова возвратился въ С. Дагестанъ.

Недѣль 5 отрядъ оставался на Турчедагѣ; все было бы хорошо на немъ для войска, да не было дровъ и пищу варили на кизякѣ, который на вьюкахъ привозили лезгины окружныхъ селеній изъ мирныхъ, а за дровянымъ топливомъ нужно было спускаться въ глубокую долину, на сторонѣ непріятельскихъ ауловъ, подбирать кое-какіе еще остатки разрушеннаго аула Чеха, что однако же не обходилось никогда безъ раненыхъ въ отрядѣ, идущемъ за дровами, такъ какъ смѣльчакъ горцы подстерегали всегда нашъ отрядъ.

Пока войска отдыхали, Штабъ дѣлалъ то же. Кн. Воронцовъ жилъ съ отрядомъ; въ штабѣ составлялась всегда партія въ вистъ и не одна. Собирались у кн. Козловскаго, человѣка неглупаго, гостепріимнаго, съ нѣкоторымъ состояніемъ; онъ проживалъ его между Москвою и Кавказомъ, котораго жизнь онъ любилъ и, какъ многіе, находилъ, что нигдѣ такъ пріятельно не живетъ, какъ на Кавказѣ. По крайней мѣрѣ на Турчедагѣ, вечеромъ въ дождь или туманъ жилось въ палаткѣ у Козловскаго или у Дундукова недурно. Кахетинское было всегда, хотя и безъ излишка, анекдоты и рассказы толстаго Потоцкаго, хотя и съ излишкомъ, были всегда забавны. Обѣдали всегда у кн. Воронцова за общимъ столомъ. „Приходите къ намъ всегда обѣдать, любезный Исаковъ“, сказалъ мнѣ однажды кн. Михайлъ Семеновичъ, и я ходилъ, если не всегда, то часто. Компанія была большая и веселая. Въ штабѣ у Аргутинскаго между Кузьмичами было однообразно и вовсе неинтересно. За обѣдъ, на открытомъ воздухѣ садилось человѣкъ 30. Докторъ князя, Андріевскій, завѣдывалъ хозяйствомъ. Весьма значущая личность въ домѣ князя, Андріевскій былъ фактотутомъ княгини; умный, хитрый человѣкъ и большой циникъ и эгоистъ, Эрастъ Степановичъ думалъ только о себѣ ¹⁾).

¹⁾ Этотъ Андріевскій имѣлъ на Воронцова огромное вліяніе, и черезъ него проводились разныя дѣла, особенно по поставкамъ и подрядамъ. Андріевскій оставилъ послѣ себя большое состояніе.

По кавказскому обычаю, если полковой штабъ въ походѣ, то полковой командиръ даетъ обѣдъ въ день полкового праздника. Несмотря на то, что все везется на вьюкахъ, на обѣдѣ у Плацъ-Бекъ-Кокума было много и шампанскаго: русскіе маркитанты идутъ въ горы и тущобы за войсками, никогда не отставая. Полковой докторъ Сергѣевъ ухитрился смастерить даже кюммель, который былъ поднесенъ кн. Мих. Сем.: ежедневно передъ обѣдомъ старикъ глоталъ его по маленькой рюмкѣ, какъ лекарство.

Ночи были холодныя, туманы были часты. Передъ палатками штаба былъ обрывъ, недоступный по-нашему, горцы ухитрялись однако же по немъ подкрадываться, и разъ пуля пролетѣла черезъ палатку надъ ухомъ Коцебу, когда онъ сидѣлъ на кровати и читалъ бумаги.

Пріѣхалъ къ намъ Н. И. Пироговъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли у насъ плохи лекаря, и въ день его пріѣзда вмѣстѣ съ дровами принесли раненаго офицера. Естественно Пироговъ пошелъ сдѣлать перевязку. Мы всѣ бросились смотрѣть первое употребленіе ээира для усыпленія во время операціи; кто держалъ за руку, кто за ногу бѣднаго Новоселова (онъ былъ впоследствии плацъ-маіоромъ въ Царскомъ Селѣ); пока ему надѣли маску и усыпляли посредствомъ ээира. Затѣмъ Пироговъ со своимъ ассистентомъ, маленькимъ, но очень искуснымъ хирургомъ, Неймертомъ, сдѣлали разрѣзъ въ плечѣ, Пироговъ долго искалъ пулю, сдѣлалъ еще разрѣзъ сзади плеча, искалъ обѣими руками, долго хладнокровно перевязывая артерію лигатурою, весь самъ въ крови, однако же объявилъ намъ, что теперь пули найти нельзя и, вѣроятно, она сама выйдетъ.

Въ какой-то царскій день былъ назначенъ церковный парадъ. Что это была за фантасмагорія передъ кн. Воронцовымъ, который и самъ не зналъ, гдѣ и кому слѣдовало идти или стоять, и мы тоже ничего не знали. Полковникъ Плацъ-Бекъ-Кокумъ, бывшій конногренадеръ и фронтовикъ, только руками разводилъ отъ ужаса ¹⁾.

¹⁾ Очень характерно это свидѣтельство Исакова о неспособности славной Кавказской арміи къ тонкостямъ плацпарадной службы, но и самъ Воронцовъ, какъ умный и бывалый, также не придавалъ ей значенія. Плацъ-Бекъ-Кокумъ, офицеръ „фронтowego типа“, отличался большой ограниченностью и конечно, по своимъ тенденціямъ, былъ не у мѣста въ этой боевой арміи, дѣлавшей настоящее дѣло. Если не ошибаюсь, по его бестактности, мы лишились Елисуйскаго султана, ушедшаго къ Шамилю. Непонятно, почему Воронцовъ держалъ его на ответственныхъ постахъ.

Б. Коллюбакинъ.

Кн. Воронцовъ былъ очень привѣтливъ, но улыбка его не сходила съ лица даже тогда, когда на умѣ было совсѣмъ другое. Однажды я наткнулся на разговоръ: Аргутинскій и Коцебу черезъ переводчика разносили Казикумухскаго хана за какія-то продерзости и недостатокъ топлива въ лагерь. Кн. Воронцовъ, шель мимо, остановился, спросилъ, въ чемъ дѣло, затѣмъ спросилъ у хана о здоровьѣ его семейства, какъ онъ поживаетъ, отчего не пріѣдетъ въ Тифлисъ погостить, а уходя поручилъ Аргутинскому его хорошенько пожурить. Ханъ былъ въ восхищеніи и не понималъ, почему Аргутинскій грозитъ ему чубукомъ. Кн. Воронцовъ очень интересовался розысками каменнаго угля на Турчедагѣ и кромѣ горнаго офицера посылалъ на открытіе его своего камердинера Jowanni, который говорилъ на всѣхъ языкахъ и былъ на всѣ руки. Я, по крайней мѣрѣ, считалъ его за итальянца и былъ очень удивленъ, когда пришлось его представлять къ наградѣ за полезное, т.-е. за участіе въ открытіи торфа; по паспорту онъ оказался мологскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Давыдовымъ.

Сообщ. П. Н. Исаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).